

«Агент влияния» Олег Басилашвили

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ, «Известия»

С наступлением в нашем государстве нового политического времени внезапно выяснилось, что актер в России — больше, чем актер. Ораторская трибуна вдруг стала для представителей легкомысленной театральной профессии местом столь же притягательным, как сценические подмостки. Несколько лет не утихают страстные споры о моральном праве знаменитостей и народных любимцев агитировать «лицом» за ту или иную политическую силу.

Самих любимцев больше беспокоит явное снижение их популярности в разнородной зрительской массе: примыкая к «красным» либо к «белым», автоматически теряешь признание противоположного лагеря. Исходя из вышеизложенных причин, большинство актеров дает в политике предельно короткую гастроль. Олег Басилашвили — исключение.

— Вы не раскаиваетесь, что когда-то обстоятельства выдвинули вас на общественную арену и с тех пор, пользуясь выражением из кинофильма «Служебный роман», никак не можете задвинуть обратно?

— На самом деле, моя активная политическая деятельность прекратилась с исчезновением съезда народных депутатов и Верховного совета Российской Федерации. Его роспуск...

— Разгон.

— Пусть разгон. Я все равно это приветствовал. Там занимались пустой, бессмысленной болтовней. Как и сейчас, впрочем. Но я в этом больше не участвую. Помогать — помогаю. Если уважаемый мною человек считает, что мое слово может пойти ему на пользу, я всегда иду и выступаю. Если не я, то кто же?

— Давненько не приходилось слышать эту формулировку... Вы получаете от общественной деятельности некое моральное удовлетворение?

— Нет. Никакого удовлетворения. Наоборот, тяжело. Профессия актера мне, кстати сказать, только мешает. Я представитель большой театральной семьи. И если меня осмивают или оплеывают, то получается, что в моем лице оскорбляют весь театр.

— А такое случалось?

— Ну с трибуны меня, конечно, согнать трудно. Коли уж я вышел, так скажу все, что собирался. Но был случай, когда я выступил на съезде и призвал поддержать реформы Гайдара. И после этого, возвращаясь к себе в гостиницу «Россия», подвергся нападению колонны с красными знаменами. В лицо мне горстями швыряли медные монеты. Кричали: «жидовская морда», «иуда»... Боялся, как бы не выбили глаза.

— Приходится ли вам сегодня переживать нечто подобное?

— Письма приходят. Причем очень легко различить среди них

искренние. Когда пишут люди, справедливо не довольные нынешней политикой. А есть письма, продиктованные слепой ненавистью. Все они заканчиваются на одной ноте: «раздавим БТРами», «к стенке», «убирайся в свою Грузию»... И так далее. Подпись — закорючка. Иногда — обратный адрес, по которому я несколько раз наивно пытался ответить. Всегда выяснялось, что такой человек по такому адресу не проживает.

— Неужели вам, человеку прекрасной и радостной профессии, не противно влезать в эту грязь?

— Это не грязь, это наша жизнь. Безразличным может оставаться либо гений, либо подонки. Гениев на сегодняшний момент в нашем искусстве, по моему, не наблюдается. А подонком я, слава Богу, быть не могу. У меня сердце кровью обливается за все происходящее.

Я слишком долго жил спокойно и слишком легко. До сих пор помню: мне было лет двенадцать. Станция Пушкино. На запасных путях стоит эшелон с репрессированными. Я гуляю, ем мороженое. Из вагонов тянутся руки — может, записки какие-нибудь хотели передать. У меня внутри ничего не шевельнулось. Подойти, выслушать, хотя бы мороженое отдать — нет, не пришло в голову.

А потом я стал старше. И опять молчал, когда Бродского судили, Солженицына выслали. Даже как-то не задумывался об этом, жил своей жизнью. И мне сейчас стыдно, очень стыдно за себя прежнего.

— Вы никогда не разочаровались в людях, которых раньше активно поддерживали?

— Никогда. Я не могу разочароваться, скажем, в Гайдаре. Потому что знаю: он умница, крупнейший экономист. И он единственный взялся за сизифов, каторжный труд начала реформ, обрекая себя на судьбу камикадзе.

— Очень забавно, когда театральный актер или эстрадный певец с компетентным видом дает оценку тому или иному экономисту...

— Прежняя власть проела практически полностью валютные запасы страны. Не зря вдруг начали прыгать с десятого этажа руководители администрации КПСС. И старушкам, идущим с красными флагами, стоит об этом задуматься.

Нельзя отрицать, что постепенно возникает отечественное конкурентоспособное производство. Не знаю, как в Москве, а у нас в Питере пресловутая копченая колбаса — своя, и повсюду, и очень вкусная. И молочные продукты тоже. Так что старушка, утром выходящая на улицу с портретом Сталина, вечером может устроить в магазине скандал: почему нет бананового йогурта, а есть только клубничный.

— Это художественное преувеличение?

— Нисколько. Я сам был свидетелем такой сцены.

— В общем, вы настаиваете, что жить стало лучше и веселее?

— Да. Хотя бы потому, что сегодня любой алкаш знает, что если он будет качественно вставлять водопроводные прокладки, то в принципе сможет купить «Мерседес». Поддержанный, но все-таки. А прокладку можно нарезать самому, из велосипедной покрышки. Появилась масса возможностей улучшить свою жизнь. Хотя я лично, если вас это интересует, стал жить хуже, чем при советской власти. В материальном смысле.

— Значит, вы не только преданы делу демократии, но и бескорыстны?

— В это, наверное, трудно поверить. Видимо, поэтому в неизвестной книге Шутова «Собачья прохиндиада» мне посвящено аж три страницы текста. И называюсь я там — «агент влияния».

— На выборах петербургского мэра вы, вероятно, поддерживали Собчака?

— Я поддерживал и продолжаю поддерживать его, во-первых, потому что, на мой взгляд, Собчак — интеллигент. Кроме того, мне близка его основная идея — превратить Петербург в центр науки, культуры и туризма. А Яковлев — это восстановление оборонной промышленности. Опять задымят трубы, чего в этом городе быть не должно.

— На мой взгляд, единственное оправдание для творческого человека, встрявшего в полити-

ку, — это упорное отстаивание прав культуры. Но что-то примолкли по этому поводу ваши сотоварищи.

— Меня крайне удивляет, что нынешняя Дума даже не достала из стола проекты оставленных нами законов о поддержке искусства. Конечно, товарищу Говорухину значительно легче кричать с трибуны: «Убийцы культуры!», чем заняться серьезным делом.

Я, кстати, согласен с Гайдаром и в том, что культуру финансировать не нужно.

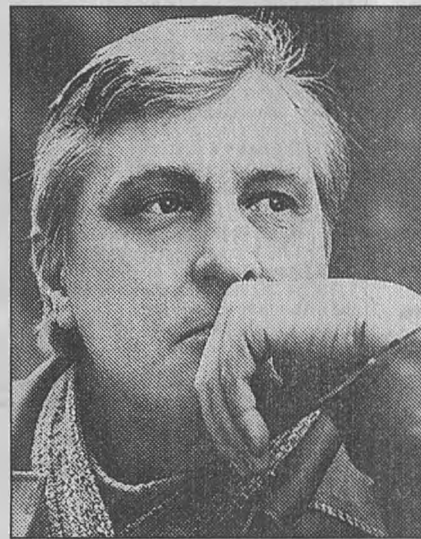
— То есть?

— Имеется в виду, культура в полном объеме. Пусть будут, например, несколько театров, признанных национальным достоянием. Не на бумаге, а на деле. Зарплата актера в таком театре должна быть не меньше десяти миллионов в месяц. Тогда туда потянутся «звезды» и блестящие постановщики. Что касается всех остальных, необходим закон о льготном налогообложении для предпринимателей, отчисляющих деньги на культуру. И надо ввести для них звание почетного гражданина. С обязательным присвоением надела земли.

Но начинать следует с Декларации о культуре. В которой должно быть обозначено: «Самым ценным для созидания нации являются культура, наука, образование. Все остальное — дерьмо». Причем последнее слово — крупными буквами. А внизу подписи: Ельцин, Черномырдин, Чубайс...

— Судя по интонации, вы настроены решительно и резко.

— Время славословий прошло. Мы помогли президенту по-

бедить на выборах. И, собственно говоря, даже наша помощь не сыграла здесь большой роли. Просто люди поверили: президент проснулся. А он выиграл и снова заснул... Ему шестьдесят пять? А мне — шестьдесят два. Попробуйте помотаться по Тюменской области с концертами, потом сыграть за три дня шесть спектаклей в режиме утро — вечер. И никакой Барвихи, заметьте. Нет, теперь мы обязаны перейти к нему в требовательную оппозицию. Ради нашего и его блага.

— Под силу ли театру что-нибудь реально изменить к лучшему в нашей жизни?

— По-моему, нам остается только терпеть и ждать. Век закончился. То есть хронологически он еще тянется, но миссия его уже выполнена. Так бывает с людьми. Георгий Александрович Товстоногов умер, когда понял, что все сказано. Так бывает и с целыми эпохами. Настанет новый век, и всё закрутится по-новому. В обществе, в театре. Задача искусства — вечная. Быть на стороне Бога в борьбе со злом, которое, в свою очередь, тоже вечно. Закладывать нравственные основы. Это под силу нам, и это есть наше настоящее дело.